

ЦВЕТЫ ЗЛА

ТРИЛЛЕРЫ

О ГЕНИАЛЬНЫХ

МАНЬЯКАХ

СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

РОДРИГО
КОРТЕС

КУКОЛЬНИК

МОСКВА
2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К69

Иллюстрация на переплете
Александра Соловьева

Кортес, Родриго.

К69 Кукольник / Родриго Кортес. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 384 с. — (Цветы зла. Триллеры о гениальных маньяках Средневековья).

ISBN 978-5-699-88176-5

Жизнь — театр, и люди в нем актеры. И лучшие актеры, как считает Джонатан Лоуренс, те, кто уже мертв. У него нет недостатка в таких актерах. Людей вокруг много — выбор огромен. В его труппе будут играть лучшие из лучших. Они воплотят его замысел в совершенстве. Его спектакль потрясет мир.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-88176-5

© Кортес Р., 2016
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

Часть I

Щурясь от яркого утреннего солнца, шериф Тобиас Айкен присел на корточки и, невольно задержав дыхание, осторожно потянул за край перепачканного одеяла.

— Господи Иисусе!

Как и сообщил примчавшийся прямо к шерифу домой конюх-ирландец О'Хара, головы у сэра Джереми Лоуренса не было.

Шериф стиснул зубы, тяжело поднялся и сдернул одеяло одним рывком.

Верхняя часть роскошного белого сюртука одного из крупнейших землевладельцев штата Миссисипи была обильно пропитана потемневшей кровью, а некогда подвязанный под самое горло, весь в комках свернувшейся крови шейный платок валялся в точности на месте отсеченной головы.

Шериф обернулся в сторону флигеля, в котором жила черная прислуга. Шторки из выбеленной солнцем мешковины тут же дрогнули и опали.

— То-то же... — с презрением процедил шериф и продолжил осмотр. Он знал, что глаза рабам не завяжешь, а рты не заткнешь, но вот этой откровенной распущенности, когда смерть хозяина превращается в объект любопытства и сплетен, категорически не терпел.

Судя по обилию пропитавшей землю крови, сэра Лоуренса убивали именно здесь, на заднем дворе. Кулаки судорожно сжаты, правая нога неестественно вывернута в сторону, но одежда цела, и следов долгой и яростной битвы за жизнь, прямо скажем, не видно.

Толстая зеленая муха с жужжанием уселась на одно из пятен, и шериф, сердито согнав ее, машинально отметил, что это пятно значительно светлее остальных.

«Что это?»

Он снова присел и взгляделся. Пятно было размером с детскую ладонь и располагалось в районе живота. Шериф наклонился к телу и повел ноздрями. От пятна отчетливо несло дешевым тростниковым ромом.

Сэр Джереми Лоуренс не употреблял рома. Тем более дешевого.

Шериф с криком опустился на колено, склонился еще ниже и тщательно принялся. Да, это определенно был обычный тростниковый, даже толком не очищенный ром. И еще... сюртук мертвеца был словно чем-то присыпан — стружка не стружка, а что-то вроде мелких растительных волокон...

Он послунывил палец и коснулся темно-коричневого волокна. Поднес палец к глазам, затем понюхал, заинтересовался и, преодолев секундную нерешительность, сунул образец в рот. Пожевал и кивнул: это был табак. Самый дешевый, даже не из листьев — из молодых стеблей.

Сэр Джереми Лоуренс не курил. Тем более... это.

Со стороны дороги послышался скрип, шериф Айкен с натужным криком выпрямился и, защищая глаза от солнца, приложил широкую твердую ладонь ко лбу. Во двор въехала коляска, и из нее выскочил вызванный им из города управляющий дома Лоуренсов мистер Томсон.

— Бог мой, господин шериф! Я уже слышал! Какой ужас! Это он?

Шериф посторонился.

— Он.

Управляющий аккуратно, так, чтобы не слишком испачкаться, опустился на колени возле тела и натужно всхлипнул, а шериф отошел в сторону и задумался.

Собственно, улики — рассыпанный повсюду низкосортный табак, пролитый на сюртук дешевый неочищенный ром, да и сам способ убийства — оставляли ему только одну версию: убийца — кто-то из черных. Но вот эта-то кажущаяся самоочевидность и настораживала.

В общем-то, в его округе людей убивали частенько — в основном в пьяных драках, но чтобы это сделал раб?! Шериф Айкен прикинул: такое случалось не чаще двух раз в десятилетие, да и то... не без причины.

Последний раз такое случилось полтора года назад, в декабре сорок пятого, как раз перед рождественскими праздниками. Тогда отосланный на перевоспитание здоровенный негр задушил Джека Слоуна — пожалуй, самого известного в округе «объездчика» строптивых рабов.

Собственно, Слоун сам был виноват в таком исходе. Шериф Айкен видел этого негра за сутки до убийства и прямо предупредил Джека, что тот не справится. Более того, Айкен предложил услуги своего старого опытного констебля, но Слоун сразу насупился, увел разговор в сторону, а на следующий день было уже поздно.

Убийца, разумеется, пустился в бега, но собаки держали след хорошо, и его тем же вечером взяли, вернули на ферму Слоуна, приковали к дереву и на глазах у остальных собранных на перевоспитание со

всего штата дерзких рабов обложили хворостом и подожгли.

Обычно такой показательной казни хватало как минимум на пару лет — ни побегов, ни отказов, ни малейшего послушания. Даже констебль начинал жаловаться, что пороть некого. И вот — на тебе!

«Не-ет... это не черный, — покачал головой шериф. — Они после того случая как мыши затихли!»

Предположение, что за убийством стоит белый, а негр если и был, то лишь исполнил приказ, напрашивалось само собой. Вот только ясности и эта версия не вносила. Кто-кто, а уж Айкен знал: врагов среди горожан и соседей у Лоуренса не было. Никогда. А значит, все равно придется начинать с черных.

Шериф брезгливо потрепал все еще всхлипывающего управляющего по плечу, отодвинул его в сторону, тщательно укрыл и тело, и пропитавшую землю кровь одеялом и только тогда повернулся в сторону флигеля для прислуги и гаркнул:

— Сесилия!

Дверь флигеля хлопнула, и тучная черная кухарка, колыхая необъятным задом, засеменила в сторону белого начальства. Подбежала и — пепельно-серая от испуга — подобострастно оскалилась:

— Да, масса шериф.

— Это ведь ты тело обнаружила?

— Да, масса шериф... — вытаращила глаза толстуха.

— А шум или крики ночью слышала?

— Нет, масса шериф.

— А кто-нибудь из прислуги этой ночью из дома отлучался? Из чужих никто не приходил?

Сесилия испугалась еще больше.

— Я не знаю, масса шериф! Я спала всю ночь... Я правда не знаю!

Шериф недовольно крикнул. Ясно, что искать убийцу в самом доме бессмысленно. Сэр Лоуренс отбирал свою прислугу весьма пристрастно, хотя сколько-нибудь дерзкий раб долго здесь не задерживался — сразу отправлялся на плантацию. Но точно так же шериф Айкен знал, что юные, гибкие, как плеть, и сильные, как дикие кошки, мулатки, коими так любил окружать себя сэр Джереми, один черт предпочитали своих... а значит, есть шанс, что этой ночью кто-то куда-то бежал, а может быть, и что-то видел. И начинать нужно было с этой светленькой... как ее? Ах да — Джудит!

Оставив застывшего над одеялом управляющего преданно хлюпать носом, шериф в сопровождении кухарки неторопливо двинулся в сторону господского дома, толкнул дверь, прошел мимо замершего в поклоне старого черного Платона в гостиную и вдруг всплеснул руками: «Черт! Как же я про парнишку забыл?!»

— Где сын сэра Джереми? — повернулся он к Платону.

— В кабинете, масса шериф, — еще ниже склонил старик курчавую седую голову.

Шериф секунду помялся, но все-таки спрашивать у раба, как там себя чувствует младший Лоуренс, не стал. Тяжело поднялся по устланной ковром лестнице на второй этаж, миновал несколько темных дубовых дверей, подошел к кабинету, решительно толкнул дверь и замер.

Пятнадцатилетний Джонатан сидел за отцовским столом и, тупо уставясь на висящий на стене кабинета отцовский поясной портрет, раскачивался: вперед, назад, вперед... и снова назад.

Мгновенно взмокший от напряжения шериф отчаянно попытался найти хоть какие-нибудь слова, вытащил платок и протер лицо, снова спрятал платок в

рукав, огладил горячими ладонями широкий кожаный ремень и все-таки решился — подошел и положил руку на его плечо.

— Мы поймаем убийцу, сэръ, непременно поймаем.

Джонатан поднял на него пустые, ничего не видящие серые глаза.

— Вот... читаю...

— Что? — непонимающе моргнул шериф и склонился ниже. Перед Джонатаном лежал толстенный том с золотистым обрезом. — Что это?

— Сенека... — нехотя объяснил Джонатан и, видя, что до шерифа не доходит, нагнулся над книгой и, водя серым от типографской краски пальцем по странице, прочитал вслух: — «Будь милосерден с рабом, будь приветлив, допусти его к себе и собеседником, и советчиком, и сотрапезником...»

Шериф оторопел. Он, конечно, знал, что сынок Джереми Лоуренса слывет умником, но всерьез читать книжонки вонючих северных янки, да еще когда на заднем дворе лежит, а точнее, валяется обезглавленное тело отца?!

— Это мои уроки. Отец приказал, — поймав его взгляд, дрогнувшим голосом пояснил Джонатан. — До вечера — три письма от Сенеки к Луцилию...

По спине шерифа пробежал холодок. В этом доме всегда почитали родительскую волю — что бы отец ни приказал.

Сэр Джереми точно такой же был... Господи, прими его душу!

Шериф Айкен выпрямился во весь рост, хотел было поощрительно потрепать мальчишку по рыжему загривку, но передумал. Он тоскливо взглянул в окно, прокашлялся и, пожав плечами, попятился к выходу; он не знал, что еще можно сказать юному сэру Лоуренсу.

* * *

Следующие два часа шериф Айкен пребывал в странном напряжении. Обезглавленное тело по его приказанию внесли в дом и уложили на стол, затем в сопровождении гремящего ключами Платона шериф тщательно осмотрел каждую комнату, каждую кладовую, а следом и весь двор, но ничего подозрительного ни внутри дома, ни вокруг него не обнаружил.

Не внесла ясности и последняя фаворитка покойного Джудит Вашингтон. Живущая в комнатухе под лестницей рыжеволосая и сероглазая мулатка четырнадцати лет от роду только и твердила, что масса Джереми вчера к ней в комнату не входил и к себе не вызывал, а потому она спала до тех пор, пока вышедшая по нужде Сесилия не споткнулась в темноте о тело и не подняла шум на весь дом.

Услыхав это, шериф поморщился. Он уже видел, что порочная склонность рабов сплетничать о своих господах все равно одержит верх над страхом наказания, а значит, не пройдет и полдня, как о валявшемся посреди двора обезглавленном трупе «масса Джереми» будут говорить по всему округу, причем в строгой связи с тем важным обстоятельством, что толстая Сесилия пошла по нужде.

И лишь тогда управляющий Томсон словно опомнился.

— Господи боже! У меня же три дня назад негр сбежал!

— Что за негр? — настороженно прищурился шериф. — Почему сразу не сказал? А ну, давай, рассказывай...

Но сразу стало ясно: не то. Просто четыре дня назад Томсон привез из Нового Орлеана свежую партию франкоговорящих негров — восьмерых, и один из

них — самый старый, но и самый крепкий раб с необычным именем Аристотель — уже спустя сутки исчез.

Это была не бог весть какая зацепка. Перепроданные рабы частенько сбегали от новых господ, но вот чтобы напасть на хозяина...

— Пойдемте, — мрачно распорядился шериф. — Покажете всех, кого привезли.

Они сбежали по лестнице во двор, быстро миновали огромный сад, затем — небольшое кукурузное поле, поздоровались с караульными, вооруженными мушкетами и тесаками, и прошли в загон. И тут же оба зажали носы: лежащие вповалку негры ужасно смердели.

— Французишка чертов! Больных подсунул! — ругался управляющий. — Представьте себе, шериф: затычки им в задницы воткнул! Я только здесь понял, что у них понос!

Шериф презрительно усмехнулся. Разумеется, на аукционах жульничают... По меньшей мере, слишком старым ниггерам закрашивают, а то и начисто выдергивают седину. Но главное, такой опытный управляющий, как Томсон, просто обязан был знать, что в Новом Орлеане на негров напал мор, и должен был тщательно осмотреть рабов, и особенно задний проход!

— Кто-нибудь из них по-нашему понимает? — поинтересовался шериф и легонько пнул ближайшего негра в облепленную жирными слепнями спину.

Слепни раздраженно загудели и нехотя поднялись в воздух, негр издал невнятный звук, но подняться так и не смог.

— Нет, — сокрушенно покачал головой Томсон. — По-нашему не говорят. Они же все из Луизианы... Только на французском.

— А почему платили?

— По триста пятьдесят за штуку вышло.

Шериф сокрушенно покачал головой:

— Дорого. Я бы больше двух сотен не дал. Если отваром дубовой коры каждые два часа не поить, они и суток не протянут. Всех потеряете.

Управляющий всхлипнул:

— Как я могу об этом сейчас думать? Такое несчастье! Такое несчастье...

«А может, это Томсон? — озадаченно подумал шериф и направился к выходу из загона. — Проворовался да и нанял кого-нибудь... А на беглого негра свалил...»

— О несчастье думать буду я, — медленно проговорил он, откашлявшись.

«Но зачем отрезать голову? Непонятно...»

— И не вздумайте их свиной кормить. Кстати, где у вас тут мясо разделяют?

Вопрос был задан с подвохом, и по тому, как побледнел Томсон, шериф понял, что управляющий тоже это понял.

— Пойдемте, покажу... — облизнул губы подозреваемый номер один. — Это здесь, за деревней.

* * *

В то, что нож пропал именно отсюда, управляющий долго не мог поверить. Кухарка для черных — тощая долговязая негритянка с торчащими в разные стороны крупными белыми зубами — только разводила руками, хлопала себя по тощим бедрам и плакала.

— Я не знаю, масса Томсон! — причитала она. — Вчера здесь лежать. Сегодня смотрю — нет ножик! Не надо наказать! Я не брать!

Управляющий покосился на шерифа. Он понял, что кухарка только что перешла в ведение полиции, и теперь никак не мог решить, должен ли он что-то делать.

— Что вы на меня смотрите?! — не выдержав, заорал шериф. — Тридцать плетей — и под стражу! — и вышел на свежий воздух.

Солнце уже довольно высоко стояло над горизонтом. Еще часа два — и работать станет решительно невозможно. Тем не менее многое следовало сделать немедленно.

— Значит, так, Томсон, — даже не оборачиваясь, раздраженно проронил он. — Всю прислугу — на прочесывание усадьбы. Попробуйте найти нож. А если повезет... в общем, если и голову найдут, будет неплохо. Пусть проверят все: дом, сад, ближайшие посадки, задний двор, выгребные ямы — все! Тех, кто работает в поле, с работы снимите. Пусть обыщут плантации. Каждый акр!

— Но...

— Я сказал, снимите, — с угрозой в голосе повторил шериф. — А сами поедете со мной на поиски беглого.

— Может быть, до вечера подождать? — заискивающе предложил управляющий. — Я бы соседей созвал. У Бернсайдов собаки есть... Куда мы по такой жаре? А? Господин Айкен?..

Шериф секунду помедлил, взглянул в сторону набирающего высоту солнца и вздохнул. Он и сам теперь видел, что управляющий Томсон прав, а негр... да куда он не денется: впереди несколько миль сплошных болот, а за ними еще и Миссисипи.

— Хорошо. Сбор во дворе дома Лоуренсов. На закате.

Управляющий радостно заулыбался, и шериф хмуро покачал головой.

«Разбаловал тебя, да и вас всех, сэр Лоуренс, царство ему небесное! Вот и поплатился».

Он чувствовал, что может и не найти главного преступника. Дешевый ром, рассыпанный табак, пропав-

ший с кухни мясной нож — все эти улики ни к черту не годились! Нож наверняка утоплен, а голова сэра Джереми — вообще бог знает где! И от этих мыслей шерифу стало совсем плохо.

* * *

Соседи начали собираться уже к обеду. Загорелые, крепкие мужчины в мундирах и сюртуках один за другим проходили в гостиную, смотрели на то, что осталось от Джереми Лоуренса, и снова возвращались во двор — курить и скорбно молчать.

Но вскоре жизнь взяла свое. Кто-то сказал, что негр, познавший кровь белого человека, хуже тигра или волка, а потому казнить его нужно страшно и прилюдно, с ним тут же согласились, и разговор потек плавно и предсказуемо.

Кто-то затеял дискуссию о том, являются ли негры людьми, и это вызвало потоки разногласий. Самые начитанные и прогрессивные полагали, что негры — наиболее близкие «родственники» человека, что-то вроде африканских горилл. Но умеренное большинство настаивало на том, что негры произошли от семени младшего сына Ноя — Хама, чье потомство Божьей волей и в наказание за грехи было отдано во власть потомков Сима и Иафета.

Затем все дружно согласились, что сэра Джереми необходимо как можно скорее, пусть и без головы, похоронить — в такую-то жару... Тут беседующие разделились: одним было интереснее знать, изменит ли затяжная жара цены на рис и сахарный тростник, а другим — предстанет ли сэр Джереми перед Господом как есть, без головы, или все-таки голова ко времени Страшного суда Божьим промыслом будет возвращена